

Люсинда
Райли

Оливковое дерево

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
P18

Lucinda Riley

THE OLIVE TREE

Copyright © Lucinda Riley, 2016

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Инны Клигман*

Художественное оформление *Натальи Каштъкиной*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© JustAnotherPhotographer, JGA, esevu, Ph.wittaya, Kriengsuk Prasroetsung,
MR. AEKALAK CHIAMCHAROEN, Kriengsuk Prasroetsung,
sabza, Tee11, Ortis / Shutterstock.com;

В оформлении суперобложки использована фотография:

© AdrianC / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Райли, Люсинда.

P18 Оливковое дерево / Люсинда Райли ; [перевод с английского
И. Клигман]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-122865-1

Есть поверье, что каждый, кто посетит Пандору, непременно влюбится.

Пандора — старинный дом на Кипре, который Хелена, профессиональная балерина, получила в наследство от крестного. В юности она провела там отпуск, который изменил ее жизнь, и о котором она никогда не рассказывала близким.

Проходят годы, Хелена приезжает в особняк с мужем и сыном. Но дом не зря имеет такое название. Вернувшись, Хелена словно бы открывает Ящик Пандоры, что хранит все ее беды и секреты. Она вновь встречает свою первую любовь — и это грозит сломать всю ее жизнь. Более того, ее сын Алекс, кажется, в шаге от того, чтобы повторить судьбу матери. Хелене предстоит заново найти с ним общий язык и решить для себя, что в ее жизни верно, а что нет.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-122865-1

© Клигман И., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

«Настоящему» Александру

Идешь за тенью — ускользает,
Уходишь прочь — бежит вослед.

Бен Джонсон
(перевод Евг. Фельдмана)

Алекс

«Пандора», Курп

19 июля 2016 года

Дом я вижу еще с дороги, пока объезжаю опасные рытвины, не только не засыпанные за прошедшие десять лет, но ставшие глубже. Еще немного тряски на ухабах, и я останавливаю машину и просто сижу, глядя на Пандору. В реальности дом не такой уж очаровательный — ничего общего с глянцевыми фотографиями на сайтах элитной недвижимости. Если не считать фасада, он скорее чопорный, практичный, почти аскетичный — точно такими я всегда представлял его прежних обитателей. Построенный из светлого местного камня и квадратный, как домики из «лего», которые я строил в детстве, он вырастает из окружающих его безводных известняков, пышно заросших, насколько хватает глаз, неяркими виноградниками. Я пытаюсь совместить эту реальность с картинками из памяти — снятыми и сохраненными десять лет назад — и решаю, что память меня не подвела.

Припарковав машину, иду вдоль крепких стен ко входу и вступаю на террасу, благодаря которой Пандора из разряда заурядных попала в высшую лигу. Пройдя по террасе, я направляюсь к краю, к балюстраде, установленной как раз там, где земля начинает отлого скатываться вниз. А там — пейзаж все с теми же виноградниками, разрозненными выбеленными домиками и купами олив. И вдали мерцающая аквамариновая линия, разделяющая небо и землю.

В небе проводит показательные выступления заходящее солнце: желтые лучи проникают в синеву, превращая ее в тем-

ный янтарь. Интересно, я-то всегда думал, что из желтого и синего получается зеленый. Смотрю направо, на сад под террасой. За красивыми внутренними изгородями, которые так аккуратно высадила моя мать, десять лет никто не ухаживал, и, лишённые внимания и воды, они были поглощены безводной землей и вытеснены уродливыми колючими сорняками — сорт неизвестен.

Там, в центре сада, со все еще привязанным обрывком от гамака, в котором любила лежать моя мать — его веревки похожи на старые разлохмаченные спагетти, — стоит олива. Когда-то я прозвал ее «Старица», потому что все взрослые вокруг говорили, какая она старая. За прошедшие годы все вокруг умерло и разложилось, а она только стала выше и величественнее, очевидно твердо решив выжить за счет более слабых ботанических соседей.

Как это прекрасно: метафорический триумф над невзгодами, и каждый миллиметр корявого ствола как гордое свидетельство борьбы.

Вот интересно, почему люди ненавидят карту своей жизни, которая появляется на их собственных телах, и при этом восхваляют дерево вроде этого, или выцветшую картину, или почти заброшенное, необитаемое здание за их древность.

Размышляя таким образом, поворачиваюсь к дому и с облегчением вижу, что по крайней мере снаружи Пандора выдержала небрежение последних лет. У главного входа достаю из кармана железный ключ и открываю дверь. Проходя по темным комнатам, спрятанным от света закрытыми ставнями, осознаю, что мои эмоции притупились... и это, пожалуй, к лучшему. Я не смею начинать чувствовать, потому что это место — вероятно, больше, чем какое-либо другое, — хранит *ее* дух...

Полчаса спустя я уже открыл ставни нижнего этажа и убрал чехлы с мебели в салоне. Стоя в тумане пылинок, танцующих в свете заходящего солнца, вспоминаю, каким старым все здесь казалось в тот первый раз. И глядя на продавленные кресла и потертую кушетку, думаю, что, может быть, как с оливой, после определенного момента «старый» — это просто старый и с

виду больше не стареет, как седые дедушка и бабушка для маленького ребенка.

Разумеется, единственное в этой комнате, что изменилось до неузнаваемости, — это я. У нас, людей, львиная доля нашей физической и умственной эволюции происходит в первые наши годы на планете Земля: от младенца до взрослого в мгновение ока. После этого, по крайней мере внешне, мы всю жизнь до самого конца выгладим более или менее так же, просто становясь более опытной и менее привлекательной версией себя же молодых, по мере того как гены и гравитация делают свое черное дело. Что до эмоциональной и интеллектуальной стороны... ну, остается верить, что существуют какие-то бонусы, компенсирующие медленную деградацию наружной упаковки. И возвращение сюда, в Пандору, четко показывает наличие таких бонусов. Выйдя в коридор, я посмеиваюсь над «Алексом», каким был когда-то. И поеживаюсь, вспоминая себя прежнего: тринадцатилетний, занятый только собой и, если подумать и вспомнить, вообще сущее наказание.

Открываю дверь в «Кладовку для метел» — так я нежно прозвал комнату, в которой обитал в то долгое жаркое лето десять лет назад. Потянувшись к выключателю, сознаю, что не ошибался по поводу миниатюрных размеров помещения, которое, кажется, сжалось еще больше. Все мои шесть футов один дюйм ступают внутрь... интересно, если закрыть дверь и лечь, придется высовывать ноги в крохотное окошко, как Алисе в Стране чудес?

Поднимаю взгляд на полки по обеим сторонам этого вызывающего клаустрофобию помещения и вижу, что все книги, которые я скрупулезно расставил в алфавитном порядке, по-прежнему на месте. Инстинктивно достаю одну из них — «Награды и феи» Редьярда Киплинга — и листаю в поисках знаменитого стихотворения. Читаю строки «Если» — мудрые слова, написанные отцом сыну, — и вдруг чувствую, как на глаза наворачиваются слезы по подростку, каким я был тогда: мне так отчаянно хотелось найти отца. А потом я нашел его — и понял, что у меня уже был отец.

Возвращая Редьярда на полку, замечаю рядом книжку в твердом переплете. Это же дневник, который мать подарила мне на Рождество за несколько месяцев до моего первого приезда в Пандору. Семь месяцев я каждый день писал в нем прилежно и, зная меня тогдашнего, высокопарно. Как все подростки, я считал, что мои идеи и чувства уникальны и революционны, что такие мысли никогда не приходили в голову ни единому человеческому существу до меня.

Печально качаю головой и по-стариковски вздыхаю над этой наивностью. Я не взял дневник с собой, когда мы вернулись в Англию после того долгого лета в Пандоре. И вот он, десять лет спустя, снова у меня на ладонях, только руки гораздо больше. Записки о последних месяцах детства, перед тем как жизнь за-тащила меня во взрослость.

Забрав дневник с собой, выхожу из комнаты и поднимаюсь наверх. Неуверенный, в какой из комнат устроиться, брожу по довольно темному, душному коридору и, глубоко вздохнув, направляюсь к *ее* комнате. Собрал все мужество, каким обладаю, открываю дверь. Возможно, это игра воображения — что еще может быть после десяти лет отсутствия, — но я убежден, что меня окутывает аромат духов, которыми она когда-то пользовалась...

Плотно закрыв дверь, еще не в силах заглянуть в шкатулку Пандоры, переполненную воспоминаниями, которые разлетятся из любой из этих спален, отступаю вниз. Оказывается, уже спустилась ночь, за окном кромешная тьма. Смотрю на часы, добавляю разницу во времени и понимаю, что здесь почти девять вечера. И пустой желудок урчит, требуя пищи.

Забираю вещи из машины и раскладываю в кладовой припасы, купленные в деревенском магазине, потом несу хлеб, фету и очень теплое пиво на террасу. Сидя там в тишине, чистоту которой иногда нарушает разве что сонная цикада, прихлебываю пиво и размышляю, такой ли уж хорошей была идея приехать на два дня раньше остальных. Даром что у меня диплом с отличием по специальности «созерцание пупка». Мне даже пред-

ложили работу, где этим надо заниматься все дни напролет. Эта мысль, по крайней мере, вызывает у меня смешок.

Чтобы как-то отвлечься, открываю дневник и читаю надпись на первой странице.

«Дорогой Алекс, с Рождеством! Постарайся вести его регулярно. Возможно, интересно будет почитать, когда станешь старше.

Крепко целую, мама».

Что ж, мама, будем надеяться, ты права.

С легкой улыбкой бегло проглядываю страницы напыщенной прозы, добираясь до начала июля. И при свете тусклой лампочки, висящей под навесом у меня над головой, начинаю читать.

Июль 2006 года

Прибытие

ДНЕВНИК АЛЕКСА

10 июля 2006 года

У меня совершенно круглое лицо. Уверен, можно начертить круг циркулем, и только очень редко его края и мое лицо не совпадут. Я его ненавижу.

Еще внутри круга пара румяных, «как яблочки», щек. Когда я был младше, взрослые часто щипали их: брали пальцами и сжимали. Они забывали, что мои щеки — не яблоки. Яблоки неодушевленные. Они твердые, они не чувствуют боли. Если они помяты, это только на поверхности.

У меня, впрочем, красивые глаза. Они меняют цвет. Моя мать говорит, что, когда я живой внутри, полон энергии, они ярко-зеленые. Когда я напряжен, они становятся цвета Северного моря. Лично я считаю, что они скорее серые, но они довольно большие и формой напоминают

персиковую косточку, и брови (темнее волос, по-девчоночьи блондинистых и прямых как солома) красиво их дополняют.

В данный момент я смотрю в зеркало. Слезы пощипывают глаза, потому что, когда я на себя не смотрю, в воображении могу быть кем угодно. Свет здесь, в крохотной туалетной кабинке, резкий и сияет вокруг моей головы, как нимб. Зеркала в самолетах хуже всего: в них ты похож на свежевыкопанного двухтысячелетнего мертвеца.

Под футболкой видна плоть, выпирающая над шортами. Захватываю ее в горсть и сжимаю, превращая в нечто вроде пустыни Гоби. Вот дюны, а между ними складочки-распадки, из которых могли бы прорасти пальмы, как в оазисе.

Потом я тщательно мою руки.

В принципе, мои руки мне нравятся, потому что они, кажется, не присоединились к походу в Пузырьландию, куда в настоящее время решило перебраться почти все мое тело. Мать говорит, что это «щенячий жирок», что гормональная кнопка с надписью «тянуться вширь» сработала с первого нажатия. К несчастью, кнопка «тянуться вверх» одновременно дала сбой. И, похоже, залипла.

Кроме того, сколько жирных щенков мне встречалось? Обычно они стройные — постоянное возбуждение изматывает их.

Может быть, мне пригодилось бы возбуждение.

Есть и положительный момент: полет дает ощущение невесомости даже жирным. И в этом самолете много людей гораздо жирнее меня. Я смотрел. Если я — Гоби, то мой нынешний сосед — самая настоящая Сахара. Его предплечья свисают с подлокотников, кожа, мускулы и жир проникают в мое личное пространство, как мутирующий вирус. Меня это конкретно раздражает. Я держу свою плоть при себе, в отведенном мне пространстве, даже если это приводит к мышечному спазму.

Отчего-то в самолетах мне думается о смерти. Объективности ради, о смерти я думаю, где бы ни находился. Вероятно, смерть чем-то похожа на невесомость, ощущаемую здесь и сейчас, в этой металлической трубе. Во время прошлого полета моя младшая сестра спросила, умерла ли она, потому что кто-то сказал ей, что дедушка живет на облаке. Увидев в иллюминаторе облако, она решила, что летит к нему.

Почему взрослые рассказывают детям такие нелепые сказки? Это всегда плохо кончается. Лично я никогда в них не верил.

Родная мать давным-давно перестала их на мне испытывать. Она любит меня, моя мать, хотя я и превратился в мистера Пузырь за последние несколько месяцев. И она клянется, что когда-нибудь мне придется присесть на корточки, чтобы увидеть свое лицо в забрызганном водой зеркале вроде этого. Очевидно, я происхожу из семьи высоких мужчин. Успокаивает это не особо. Я читал, что гены перескакивают через поколения, и — с моим-то везением — буду первым за сотни лет жирным гномом среди мужчин-Бомонтов.

Кроме того, она игнорирует противостоящую ДНК, которая поучаствовала в моем создании...

Об этом я твердо решил побеседовать во время каникул. И пофиг, сколько раз она пытается слиться и как бы случайно сменить тему. Куст крыжовника вместо отца больше не сгодится.

Мне надо знать.

Все говорят, что я похож на мать. Но что им еще говорить-то? Едва ли можно сравнить меня с неопознанным сперматозоидом.

Вообще говоря, факт, что я не знаю, кто мой отец, возможно, также дополняет уже заведшуюся у меня манию величия. Что очень вредно, особенно для ребенка вроде меня... если я еще ребенок. Или был им когда-то, в чем я лично сомневаюсь.

В этот самый миг, когда тело мое с грохотом проносится над Центральной Европой, мой отец мог быть кем угодно, кого я решу вообразить, — любим, кто подойдет мне в данный момент. Например: вдруг мы вот-вот разобьемся, а у командира только один запасной парашют. Я представляюсь ему как его сын, и ему надо будет спасать меня, ведь правда?

Однако, если подумать, возможно, лучше не знать. Мои стволовые клетки могли зародиться где-нибудь на Востоке, и тогда для общения с отцом мне пришлось бы учить североазиатский, каковым языком сверхтрудно овладеть.

Иногда мне хочется, чтобы мама была больше похожа на других матерей. В смысле, она же не Кейт Мосс какая-нибудь, потому что она довольно старая. Но ужасно неловко, когда мои одноклассники и учи-